

Три наложницы, стоящие ниже императрицы, не имели права называть себя «вашиими слугами», поэтому, поклонившись, они разошлись по своим покоям вместе с детьми, не пытаясь остаться и утешить вдовствующую императрицу. Хотя у них не было такой смелости, как у императрицы Ван, они лучше понимали настроения в задних покоях — угождать вдовствующей императрице означало разозлить императора, а сейчас, когда империя только что была основана, император держал всю власть в своих руках, а вдовствующая императрица была лишь номинальной фигурой, выбор, на чью сторону встать, был очевиден.

Проблема с тем, что третий принц оказался девочкой, не могла быть решена простым заточением супруги Сунь.

Как только Ци Юньхэн покинул Дворец Цыань, он отправил людей, чтобы вызвать своих доверенных чиновников во дворец для обсуждения этого дела, а затем развернул паланкин, чтобы отвезти Оуяна обратно в Летний дворец.

— Вместо того чтобы так мучиться, лучше бы я сам вернулся. Даже если я не помню дорогу, слуги во дворце точно помнят, — не удержался от комментария Оуян, увидев, что Ци Юньхэн, даже в Летнем дворце, выглядел так, будто готов был в любой момент уйти.

За две жизни Оуян провёл во дворце гораздо больше времени, чем Ци Юньхэн, и знал некоторые здания в задних покоях куда лучше.

— Людская молва страшна, — Ци Юньхэн взял руки Оуяна, слегка похлопав по ним. — Во все времена были чиновники, которые под предлогом разврата во дворце казнили фаворитов императора. Я... не хочу давать им такой шанс. К тому же на сбор Чжу Цина и других потребуется время, так что, даже если я сразу вернусь в Чертог Цянькунь, мне придётся сидеть и ждать в одиночестве.

— Ты вызываешь чиновников, чтобы разобраться с супругой Сунь? — с притворным любопытством спросил Оуян. — Разве нельзя просто наказать её от имени вдовствующей императрицы? Разве семья супруги Сунь такая могущественная?

— Ты... не заметил? — удивился Ци Юньхэн.

— Заметил что? — продолжил притворяться Оуян.

— Она не только мучила своего ребенка, но и подменила пол, выдав дочь за сына, — вздохнул Ци Юньхэн, наконец раскрывая правду Оуяну.

— Что?! — Оуян притворился шокированным, широко раскрыв глаза, а затем сделал вид, что понял. — Вот почему ребенок был таким худым. Я думал, что его просто морили голодом, а оказывается... Боже... У неё действительно есть смелость!

— Да! — снова вздохнул Ци Юньхэн. — Разобраться с супругой Сунь просто, но как уладить последствия? Я не могу казнить их обоих, чтобы смыть позор превращения принца в принцессу. Самое ужасное, что если супруга Сунь смогла подменить дочь сыном, кто знает, может быть, другие тоже могли подменить детей или даже надеть на меня рога? Ведь когда эти дети родились, я был занят войной и не мог контролировать задние покои, а вдовствующая императрица Юнь, которая проводила всё время в задних покоях, явно не уделяла этому внимания — если бы она хоть немного заботилась о моих детях, то факт, что Ци Юйси — девочка, не остался бы скрытым так долго, и уж точно её мать не смогла бы мучить её, а никто бы этого не заметил.

Но по результатам наблюдений Оуяна кровь этих четырёх детей была подлинной. Просто он не мог предъявить доказательства, и если бы просто заявил об этом, это не вызвало бы доверия.

Что ещё важнее, верил ли сам Ци Юньхэн, было не так уж важно — ключевым было то, как убедить чиновников и простой народ.

Если Ци Юньхэн не мог защитить своих собственных детей, как он мог защитить простой народ и всю империю?

В этом мире не было возможности провести анализ ДНК, а лица детей все были похожи на матерей.

— Только не пытайся проверить родство по крови — поверь, этот метод ненадёжен, — не удержался от предупреждения Оуян.

— Почему? — поднял бровь Ци Юньхэн, явно уже подумавший об этом методе.

— Он просто ненадёжен, если не веришь, можешь сам проверить, — Оуян не мог объяснить проблему групп крови, поэтому просто настаивал. — Но тестировать нужно не несколько человек или семей, а тысячи и десятки тысяч, чтобы получить точный результат.

Ци Юньхэн некоторое время смотрел на Оуяна, видя, что тот не шутит, и наконец кивнул:

— Я запомню.

— Хорошо, и ещё, не сердись на меня за то, что я вскрыл эту тайну, — сказал Оуян.

Он мог бы промолчать, по крайней мере дождаться окончания банкета, когда рядом с Ци Юньхэном не было бы посторонних, чтобы напомнить. Но одна только мысль о том, что придётся находиться в одной комнате с матерью Ци Юньхэна, Юнь, и, возможно, унижаться перед ней, вызвала у Оуяна отвращение и нежелание. И именно в такой момент Оуян обнаружил возможность не только вырваться из этого неприятного положения, но и заодно досадить Юнь. Как он мог упустить такой шанс? А что касается того, как уладить последствия вскрытия тайны... Это уже не его забота!

В деле с превращением второй принцессы в третьего принца супруга Сунь была, конечно, главной виновницей, но вдовствующая императрица Юнь также несла ответственность за недостаточный надзор — в задних покоях Ци Юньхэна всегда отсутствовала официальная жена, и в случае проблем ответственность ложилась на Юнь как на мать, и ей не на кого было свалить вину. Ведь императрица Ван вышла замуж всего несколько дней назад и не имела права помогать Юнь нести ответственность.

Ци Юньхэн тоже подумал об этом и снова похлопал Оуяна, успокаивая:

— Как я могу сердиться на тебя? Я должен благодарить тебя. Правду не скроешь. Эту тайну невозможно было скрывать вечно. Сейчас Юйси ещё маленькая, и есть шанс всё исправить. Если бы это обнаружили, когда она подрастёт, то уладить ситуацию можно было бы только казнью.

Тут Ци Юньхэн стиснул зубы:

— Проклятая супруга Сунь! С самого начала нужно было отрубить ей голову! Даже если бы пришлось потерять несколько тысяч солдат и потратить больше усилий, это было бы лучше,

чем снова и снова сталкиваться с её проблемами!

— Интрига? — сразу же поднял бровь Оуян.

— Просто неосторожность! — немного подумав, Ци Юньхэн всё же рассказал суть дела.

Отец супруги Сунь был губернатором при предыдущей династии и имел под своим командованием несколько тысяч личных солдат. Когда Ци Юньхэн со своей армией дошёл до этого места, губернатор Сунь благоразумно решил перейти на его сторону. После завершения церемонии передачи, чтобы выразить свою искренность и доверие, Ци Юньхэн был приглашён в дом губернатора Суня на приём и остался там на ночь.

Но Ци Юньхэн не ожидал, что губернатор Сунь, как говорят, также не знал, что его дочь — нынешняя супруга Сунь — на приёме подглядела за Ци Юньхэном, а от других узнала о его статусе и влюбилась.

Любовь требовала действий.

В ту же ночь дочь губернатора Суня сама пришла в спальню Ци Юньхэна.

Совпадение было в том, что как раз в это время Ци Юньхэн отправил группу своих телохранителей на важные задания, а остальные были новичками, которые, хотя и были преданными, но не имели опыта и плохо знали своего господина. Супруга Сунь переделалась служанкой, чтобы принести горячую воду и полотенца для умывания, и телохранители, убедившись, что на ней нет оружия, а принесённые вещи не представляют угрозы, пропустили её, не подозревая, что настоящим оружием был ароматный мешочек, который при контакте с горячей водой начинал испускать запах, вызывающий галлюцинации.

Так Ци Юньхэн и попал в ловушку.

Телохранители за дверью, думая, что он напился и развлекается со служанкой, не стали входить, услышав странные звуки.

После этого все телохранители были отправлены на фронт рядовыми солдатами, но супруга Сунь уже лишилась невинности, и дело было сделано.

Ци Юньхэн хотел казнить супругу Сунь на месте, но для этого пришлось бы уничтожить всю семью Суня, чтобы избежать последствий. Однако в то время Ци Юньхэн ещё не обладал достаточной властью, чтобы действовать по своему усмотрению. Если бы он, только что приняв капитуляцию губернатора Суня, сразу же уничтожил бы его семью, кто бы тогда перешёл на его сторону и стал бы ему верен?

Поэтому Ци Юньхэн с неохотой принял супругу Сунь.

Но семья Суня не удовлетворилась этим, утверждая, что их дочь была девственницей, и требовала для неё статуса официальной жены.

<http://bllate.org/book/16203/1454320>